

КОГНИТИВНАЯ ЛЕКСИКОЛОГИЯ РУССКОГО ЯЗЫКА

ОГЛАВЛЕНИЕ

ВВЕДЕНИЕ	2
I. ЛИНГВОДИДАКТИЧЕСКИЕ ПЕРСПЕКТИВЫ	3
II. ПРИНЦИПЫ ПОСТРОЕНИЯ КОГНИТИВНОЙ ЛЕКСИКОЛОГИИ	6
2.1. Антропоцентрический принцип создания	6
2.2. Принцип лексико-семантической репрезентации знаний	8
2.3.Ценностно-смысловой принцип	12
2.4. Дискурсивно-коммуникативный принцип	15
III. КОГНИТИВНАЯ СЕМАНТИКА	17
3.1. Многовекторность когнитивной ономазиологии	17
3.2. Значение и смысл как категории когнитивной лексикологии	22
III. СЛОВАРНЫЙ СОСТАВ И КОНЦЕПТОСФЕРА ЯЗЫКА:	31
3.1. Словарный состав и картина мира	31
3.2. Семантема как средство структурированного кодирования знаний в словесном знаке	37
ЗАКЛЮЧЕНИЕ	39
ВОПРОСЫ И ЗАДАНИЯ ДЛЯ САМОПРОВЕРКИ	40
ЛИТЕРАТУРА	40

ВВЕДЕНИЕ

Бесконфликтная на первый взгляд формулировка проблемы, на самом деле, может оказаться источником сомнений или недоумения. Дескать, здесь и проблемы, собственно, нет. Разве традиционные учения не рассматривают лексикологию в целом и лексическую семантику в частности, прямо или косвенно отталкиваясь от теории познания и создавая основной иллюстративный материал для понимания механизмов взаимодействия языка и мышления?! – Вопрос, несомненно, риторический, поскольку всё европейское языкознание XIX века «балансирует» на грани лингвистики и психологии, пытаясь выяснить сущность языка в антропологической плоскости: язык – категориальное свойство человека, поэтому его сущность обуславливается сущностными свойствами человека, среди которых важнейшим является человеческая психика, мышление и сознание.

Чтобы отстаивать право когнитивной лексикологии быть относительно самостоятельной областью учения о слове, можно воспользоваться аргументами в пользу когнитивной лингвистики вообще, возникшей в результате критики бихевиористской методологии исследования поведения в терминах стимула и реакции (США, конец 50-х гг.). В таком случае следует, что главная отличительная черта когнитивной лексикологии заключается не в постулировании в рамках науки о слове нового предмета исследования и даже не во введении в исследовательский обиход нового инструментария и/или процедур, а в чисто методологическом изменении *познавательных установок и исследовательских эвристик*.

В когнитивной лексикологии «новой реальностью» становится не создание нового учения о слове, а новая интерпретация традиционно рассматриваемых лексико-семантических явлений.

I. ЛИНГВОДИДАКТИЧЕСКИЕ ПЕРСПЕКТИВЫ

Лингводидактическая ориентация когнитивной лексикологии определяется объективными предпосылками, поскольку знание словарного состава русского языка – важнейшее условие его комплексного и многоаспектного изучения. «Что значит слово, в чем состоит связь слов с жизнью, составляющая самую их сущность – задача, которая волнует не только исследователей языка, но и тех, кто изучает его в школе и вузе. Ясное сознание содержания слов – это форма овладения ими и одновременно ситуациями, в которых употребляются слова как орудие мышления и деятельности», – писал выдающийся лексиколог XX века Витольд Дорошевский. Такая постановка адекватна разнообразию самого познаваемого человеком окружающего мира в процессе его обучения в средней и высшей школе – центральная проблема современных образовательных реформ среднего и высшего образования.

Новые подходы к осмыслению слова и его значения тоже приводят к получению новых знаний и новому видению уже известных проблем. Слово, представшее в новом, лингвокогнитивном, ракурсе, или обнаруживает новые свойства, или приоткрывает новые грани тех своих свойств, которые издавна обсуждаются учёными. В любом случае наука о слове получает для своего дальнейшего развития новые знания. В этом, по сути, и состоит поступательное движение научной мысли, решение новых задач на продуктивных идеях ранее сформированных представлений. Что это – научный поиск новых истин или обычная интерпретация известных? Ставя такого рода вопросы, нередко благоговением произносят первую часть (поиск новых истин) и с разочарованием говорят об интерпретациях. На самом же деле в стремлении в новом ракурсе осмыслить, казалось бы, общепринятые

явления лексикологии нередко требуют нестандартных эвристических установок. Попытка применения идей когнитивной науки к лексикологии порождает такие проблемы, разрешение которых не только невозможно без использования новых подходов, идей и точек зрения, но и без попыток инновационных определений самого объекта исследования – языка, его природы и функций. Возникает, например, необходимость обсудить вопрос о своеобразии когнитивной функции языка. С одной стороны, языку не свойственно отражение действительности (это прерогатива сознания), а с другой, языковая семантика является средством накопления, интерпретации и хранения знаний.

Итак, когнитивизм в лексикологии – такая исследовательская стратегия, которая обращена к изучению лексики как средства и продукта системной переработки информации. Эти состояния физически проявлены, наблюдаемы и интерпретируются как получение, переработка, хранение, а затем и мобилизация информации для рационального решения разумно формулируемых задач.

Основой классической лексикологии является учение о формировании словарного состава языка, исторических изменений в нем, систематизации лексики с точки зрения её происхождения, расслоении по сферам употребления, по степени активности; а её главной задачей изучение синтагматико-парадигматической организации словарного состава языка. В центре же когнитивной лексикологии находятся вопросы взаимоотношения смысла, концепта и значения. Однако и здесь слышится сомнение: соотношение *слова* и *понятия* никогда не упускались из виду лексикологов; слово рассматривалось в единстве формы и содержания (смысла и значения), а концепт – латинское название понятия. И всё же, такого рода возражения следует считать поспешными, поскольку смысл и значение получили разграничительное толкование только в конце XX века (ранее они использовались

практически как синонимы), а концепт, в отличие от понятия, получает статус единицы ментального лексикона человека.

В связи с выше сказанным **когнитивная лексикология** предстаёт как **дисциплина, предметом которой являются процессы взаимодействия словарного состава языка и ментального лексикона человека, под которым понимается система когнитивных структур.** Однако уже такое обобщенное определение порождает достаточно непростые вопросы.

Если понятие словарного состава языка находится в светлой зоне лингвистического сознания, то полного понимания сущности ментального лексикона и форматов существования когнитивных структур, служащих мыслительным субстратом нашего словаря, пока не достигнуто. Называют разное количество таких когнитивных единиц; имеются значительные различия в интерпретации их сущности, что, разумеется, усложняет задачу построения когнитивной лексикологии. Пока в качестве элементов ментального лексикона используются различные единицы: концепт, фрейм, гештальт, сценарии, мыслительные картинки, схемы и др. В лингвистике в качестве родовой единицы доминирует *концепт*; в когнитивной психологии – *гештальт*, а в философии познания, наряду с гештальтом, такой единицей выступает *фрейм*. К тому же каждая из названных когнитивных единиц имеет множество различных определений. Так, в книге Ю.Е. Прохорова «В поисках концепта» (М.: Флинта, 2007) собраны практически все имеющиеся определения концепта. Такими же собраниями могли бы стать существующие определения фрейма и гештальта во всём их вариативном многообразии. Так, Лакофф выделял такие разновидности гештальтов, как языковые, мыслительные, перцептуальные, моторные или даже смешанные – сенсорно-моторные [Лакофф 1981: 360]. Когнитивную лексикологию, конечно же, интересуют когнитивные

структуры, объективированные словесными знаками, что и делает язык активным средством познания.

II. ПРИНЦИПЫ ПОСТРОЕНИЯ КОГНИТИВНОЙ ЛЕКСИКОЛОГИИ

Облик когнитивной лексикологии XXI века определяется сближением двух её главных, некогда противопоставляемых парадигм – когнитивно-культурологической и коммуникативно-прагматической. Её становление связано с формированием единой системы допущений. Каковы принципы применения такого рода системы к обоснованию лингводидактической сущности когнитивной лексикологии?

2.1. Антропоцентрический принцип создания когнитивной лексикологии

Прежде всего, данная система определяется принципом антропоцентризма, согласно которому центром лексико-семантической Вселенной является человек, с его менталитетом, системой восприятия и интерпретации всего окружающего, мотивирования как практической, так и «духовной» деятельности. Этому принципу обязаны своим возникновением целый ряд тенденций.

Пожалуй, важнейшей из них можно назвать **экспансионизм**, под которым понимается распространение лексикологии за её первоначальные пределы, «вторжение» в научное пространство когнитологии, психолингвистики, культурологии и дискурсологии.

1. Наиболее явной является связь лексикологии с когнитивной наукой. Когнитивная лексикология – это такое ответвление общей лексикологии, в центре внимания которого находится словарный состав

языка как универсальное когнитивное средство, когнитивный инструмент – система словесных знаков, выполняющая роль репрезентации (кодирования) и интерпретации знаний. Эта система, в отличие от других семиотических средств, для человека одновременно является и внешним, и внутренним объектом, поскольку формируется на базе его метального лексикона и усваивается каждым из нас в онтогенезе [ср.: Кубрякова 2004. Поэтому, являясь единицей лексического уровня языковой структуры, слово служит тем ключиком, которым открывается таинственный мир психики человека, созданная им картина мира в целом. Лингвокогнитивный анализ словарного состава языка позволяет приблизиться к проблемам, непосредственно связанным с принципами организации метального лексикона человека, под которым понимается лексический компонент речевой организации человека, формирующийся через переработку речевого опыта и предназначенный для оптимального использования в речемыслительной деятельности человека. Поскольку последняя трактуется как процесс формирования мысли в речи, логично сделать вывод, что лексикон должен включать единицы всех этапов этого процесса, то есть, иначе говоря, его можно интерпретировать как систему кодов и кодовых переходов, обеспечивающую реализацию процессов смыслоформирования и смыслоформулирования.

При этом в рамках названной научной области первоочередными задачами когнитивной лексикологии неизбежно оказываются вопросы, связанные с установлением специфики единиц метального лексикона и выявлением основных принципов их упорядоченности:

- семантическая структура метального лексикона;
- методы и модели её описания;
- отношения между лексическими значениями и когнитивными структурами (понятиями, концептами, фреймами и т.п.);

- способы и средства инкорпорирования новых единиц в метальный лексикон человека и др.

В более отдалённой перспективе когнитивная лексикология как научная дисциплина должна участвовать и в решении скрытых от эмпирического опыта явлений, связанных с нейролингвистическими механизмами функционирования метального лексикона.

Конечная цель изучения языка – овладение всем скрытыми в нём глубинами народного духа. Однако богатство языка, заметил Д.С. Лихачёв, определяется не только богатством «словарного запаса» и грамматическими возможностями, но и богатством концептуального мира, концептуальной сферы, носителями которой является язык человека и его нации. В связи с этим результаты исследований в области когнитивной лексикологии открывают путь к осмыслению природы и сущности когниции в целом. Прежде всего, когнитивная лексикология сосредотачивает внимание на лексико-семантических механизмах категоризации и концептуализации действительности, что напрямую связано с проблемой моделирования языковой картины мира.

2.2. Принцип лексико-семантической репрезентации знаний

Если в когнитивную лексикологию включать все проблемы взаимоотношения языка и познания (как это фактически часто и делается), то она неизбежно, полагают некоторые авторы, должна охватить значительную часть семантики и психолингвистики. Если часть, то какую? Есть мнение (его придерживается в частности В. Белянин), что психолингвистика и семантика шире когнитивная лингвистика в целом, поскольку изучает, в отличие от когнитивной лингвистики, не только явления, лежащие в сфере сознания, но и бессознательные явления. При таком понимании когнитивная лингвистика поставляет данные для психолингвистики, которая их

верифицирует. В качестве примера В. Белянин рассматривает слова *кошка* и *собака*. Согласно его пониманию, только психолингвистический эксперимент может показать степень близости этих слов в разных языках и в разных контекстах. Когнитивная же лексикология призвана творчески использовать данные эксперимента для построения целостной когнитивно-семантической теории.

В.А. Пищальникова рассматривает проблему экспансионизма лингвокогнитивистики в целом в русле соотношения собственно лингвистических и паралингвистических сфер исследования путем различения объекта и интерпретирующей модели. Если следовать подходу предложенному В.А. Пищальниковой¹, то объектом когнитивной лексикологии окажутся процессы лексико-семантической репрезентации структуры знаний (когнитивных структур), а интерпретирующей моделью — концепт как когнитивный субстрат её семантической структуры. Поскольку объектом психолингвистики является речевая деятельность, а интерпретирующей моделью — образ сознания, то психолингвистические данные окажутся полезными для выявления механизма взаимопревращения языкового значения и смысла, закономерностей смысловой реализации значения в различных дискурсивных контекстах. Психолингвистика, стремящаяся интерпретировать язык как динамическую, действующую, «работающую» систему, обеспечивающую речевую деятельность (речевое поведение) человека, снабжает когнитивную лексикологию сведениями о механизмах порождения и понимания (восприятия) смысловой структуры слова в типологически разных речевых высказываниях. При этом психолингвистика не подменяет когнитивную лексикологию и не растворяется в ней, так как она сосредотачивается

¹ В её представлении объектом лингвистического исследования являются языковые структуры, интерпретирующей моделью — значение; объект психолингвистики — речевая деятельность, а интерпретирующая модель — образ сознания и концепт; объект когнитивной лингвистики — языковое мышление (языковая способность), этому должна соответствовать и специфическая интерпретирующая модель, которая традиционно определяется как концепт.

главным образом на психологической реальности слов для говорящего человека, на их использовании в актах порождения и в актах понимания высказываний, а также в усвоении словарного состава языка. В отличие от когнитивной лексикологии, психолингвистику интересуют модели усвоения родного языка и иностранных языков, проблемы формирования ментального лексикона, стратегии речепорождения.

Когнитивная же лексикология ставит перед собой задачу выявить лексический потенциал языка в глобальных процессах категоризации различных перцептуально или концептуально получаемых знаний. Для когнитивной лексикологии данные психолингвистики особенно важными оказываются тогда, когда собственно лексико-семантические методы не позволяют увидеть закономерности динамики словарного состава, механизмы синхронического развития и диахронической эволюции семантического пространства языка [см.: Никифорова Е.Б., 2008].

Однако, несмотря на отличия, можно назвать и точки пересечения когнитивной лексикологии и психолингвистики. Ими являются: 1) исследование процессов словообразования и понимания слов естественного языка; 2) исследование принципов лексической категоризации; 3) исследования материального базиса человеческого сознания и словарного состава языка (А.А. Залевская); 4) исследование лингвокогнитивных процессов метафоризации и метонимизации лексики.

Для осуществления такого рода исследований когнитивной лексикологии недостаточно методов традиционного познания словарного состава. Полезным в таких случаях оказывается и использование различных психолингвистических методов, основанных на экспериментах, проводимых с носителями языка. Уже сейчас широко используются ассоциативные психолингвистические эксперименты – свободные и направленные. На результатах свободных ассоциативных экспериментов построен, например, «Словарь ассоциативных норм

русского языка» [М., 1977]. Свободный ассоциативный эксперимент выявляет всевозможные виды связей между словами: среди парадигматических – синонимические, антонимические, тематические и др.; среди синтагматических – валентностные, смысловые и формально-релятивные. Это служит когнитивной лексикологии материалом для выявления полицентрических полей во фреймовой организации концептосферы языка. Направленные ассоциативные эксперименты, выявляя определенные характеристики слова, помогают составить объективные представления о том или ином фрагменте концептосферы. Это достигается тем, что испытуемые отвечают на слово-стимул не первым пришедшим им в голову словом, а словом из заранее подготовленного списка, или словом той же части речи, что и слово-стимул, или сочетающимся словом, или синонимическим и т.д. Такие эксперименты, базирующиеся на опросах информантов, позволяют судить именно о лингвокогнитивных свойствах слова. Выявляя его связи с другими словами, исследователь получает возможность масштабно размышлять о смысловых связях концептов, формирующих концептосферу языка. Определяя силу этих связей, можно с большей долей объективности моделировать полевую организацию концептосферы, её ядерно-периферийное строение. Структурирование лексической системы проецирует системное представление концептов в языковом сознании. Измерение семантического объёма слов открывает возможность для исследования импликациональных связей того или иного концепта, определение его ценностно-смыслового (культурно маркированного) поля.

Результаты, получаемые при проведении психолингвистических экспериментов, характеризуют в первую очередь прагматический аспект значения слова, однако в этих результатах отражаются также и такие аспекты семантики слова, как денотативный, сигнификативный, синтагматический, парадигматический и эпидигматический. В

результатах психолингвистических экспериментов фиксируется сложный, пересекающийся во всех направлениях комплекс когнитивно-дискурсивных связей лексических единиц.

Таким образом, использование в когнитивной лексикологии психолингвистических методов делает и междисциплинарные, и собственно семасиологические связи учения о слове более предметными и доказательными. Экспериментальные данные «дают пищу» для осмысления когнитивно-прагматических свойств лексического значения слова, его связей с менталитетом народа и его духовной культурой. С другой стороны, данные психолингвистических экспериментов позволяют выделять элементы семантической структуры слова не интуитивно, а путём экспериментально подтверждённых ранее сфоормированных предположений, поскольку в результатах таких экспериментов отражаются также и когнитивные аспекты семантики слова: денотативный, сигнификативный и коннотативно-прагматический. Синтагматика и парадигматика слова в когнитивной лексикологии также отражает в некоторой степени смысловые отношения вербализуемого концепта, его смысловое поле в вертикальной (ассоциативной) и линейной (горизонтальной) проекции. Можно утверждать, что синтагматическая и парадигматическая семантика слова в сочетании с его прагматикой – это те три векторы, которыми задаётся смысловой объём концепта и отражается культурное пространство категоризованного мира в сознании человека.

2.3. Ценностно-смысловой принцип

Антропоцентрическая связь когнитивной лексикологии с культурологией исходит из природы последней: «лингвокультурология ориентирована на человеческий, а точнее – на культурный фактор в языке и на языковой фактор в человеке» [Телия В.Н., 1996]. В.Н. Телия

практически отождествляет «человеческое» и «культурное», что для когнитивной лексикологии весьма существенно. Будем рассуждать так. Вселенная существует в двух ипостасях: естественной и антропоморфной. Первая из них монологична; поскольку она принципиально неспособна к диалогу, к ней неприменимо понятие «смысл». Смысл возникает только в человеческом универсуме: он диалогичен по своей природе, что, собственно, и позволяет говорить о наличии в нём культуры, средством существования которой служит система символов, важнейшими из которых являются словесные знаки.

Лексическая подсистема языка – зеркало культуры, в котором «отражается не только реальный мир, окружающий человека, не только реальные условия его жизни, но и общественное самосознание народа, его менталитет, национальный характер, образ жизни, традиции, обычаи, мораль, система ценностей, мироощущение, видение мира» [Тер-Минасова, С.Г., 2000]. Поэтому концептуальное осмысление культуры может произойти только посредством изучения словарного состава языка. Лексика – составная часть культуры и ее орудие, это действительность нашего духа, лик культуры; он выражает в обнаженном виде специфические черты национальной ментальности. Язык и, прежде всего, его словарный состав, по замечанию К. Леви-Стросса, – специфический способ существования культуры, фактор формирования культурных кодов [Леви-Стросс К., 1983: 178]. И всё же, несмотря на своеобразие разных лингвокультур, существуют различные формы межкультурной коммуникации. «Возможность успешной коммуникации между различными культурами, – по мнению А. Вежбицкой, – напрямую зависит от универсальности базового множества семантических примитивов, из которых каждый язык может создавать практически бесконечное число более или менее “идеосинкретичных” (специфичных для данной культуры) понятий..., а специфичные для

языков конфигурации этих примитивов отражают разнообразие культур» [Вежбицкая А., 1996: 296-297].

В рамках когнитивной лексикологии можно говорить и о более уникальных проявлениях взаимосвязи слова и культуры. Своеобразие русской лексики обуславливается тем, что русский язык в целом по своей природе эллинистический. По целому ряду исторических условий, живые силы эллинской культуры² устремились в лоно русской речи, сообщив ей, по образному выражению О. Мандельштама, «самобытную тайну эллинистического мировоззрения, тайну свободного воплощения» [Мандельштам О., 1987: 19]. Соединение языка древнеболгарского с обиходным древнерусским обеспечило, по мнению Д.С. Лихачёва, русскому литературному языку богатую синонимику и богатые оттенки значений. В результате русское слово стало именно звучащей и говорящей плотью. Ср. в статье А. Белого «Символизм»: «Слово сознания должно иметь плоть. Плоть должна иметь дар речи. Слово должно стать плотью. Слово, ставшее плотью, – и символ творчества, и подлинная природа вещей» [Белый А., 1994: 335].

Слово в эллинистическом понимании есть плоть деятельная, разрешающаяся в событие. Поэтому русский язык историчен уже сам по себе, так как во всей своей совокупности он есть волнующееся море событий, непрерывное воплощение и действие разумной и дышащей плоти. Русский номинализм, то есть представление о реальности слова, как такового, животворит дух нашего языка и связывает его с эллинской филологической культурой не этимологически и не литературно, а через принцип внутренней свободы, одинаково присущей им обоим.

Язык впитывает в себя все богатство культуры, в то же время как любая национальная культура в немалой степени связана с характером и

² Эллинистическая культура — не только культура Греции под игом Македонии и Рима; это культура, выплеснутая благодаря завоеваниям Александра Македонского во многие регионы мира: далеко на юг в Африке и еще дальше на восток в Азии. На северные по отношению к эллинам земли Восточной Славии эллинистическая культура пришла вместе с крещением русичей и внедрением в их языковое сознание христианского восприятия и понимания мира.

спецификой конкретного языка. Язык, по замечанию акад. Д.С. Лихачева, благодаря слову «выступает неким концентратом культуры нации, воплощенной в различных группах данного культурно-языкового сообщества» [Лихачев Д.С.: 28]. Вместе с тем в словах того или иного языка представлен целый мир, способный лексически и семантически охватить всю многогранную культуру. Язык – естественная среда обитания культуры. Культура это – не только живопись и литература. Культура – это религия, эссенция сущности самосознания каждого народа. Этим суждениям можно найти и более лаконичную формулу: через лексическую семантику воплощается отражённая в сознании действительность, а культура – её важнейшая составляющая.

2.4. Дискурсивно-коммуникативный принцип

Сопряжение когнитивной лексикологии с теорией дискурса обусловлено необходимостью исследования одного из основных феноменов слова: взаимодействием лексического значения и смысла. На первый взгляд слово непосредственно с дискурсом не связано, поскольку единицей дискурса являются коммуникативные структуры. Одни авторы таковой называют высказывание, другие – текст. Многие исследователи основной структурной единицей речевого общения признают простой обмен репликами [Сусов 1984; Кучинский 1985; Макаров 1990а; Sinclair, Coulthard 1975; Coulthard 1977; 1985; Edmondson 1981; Brown, Yule 1983; Stubbs 1983; Francis, Hunston 1992; Sinclair 1992]. Однако смысловые вариации языкового значения обуславливаются именно диалогической речью, а сам дискурс – инструмент манипуляции словом.

Переоценить роль слова в процессе познания невозможно, поскольку благодаря слову мы не только выражаем, но и получаем необходимые знания о мире. Однако для того, чтобы слово могло выполнять функцию своеобразного «сигнала сигналов», (см. работы

акад. И.П. Павлова), чтобы с его помощью можно было адекватно осмыслять явления окружающего мира, оно должно быть определённым образом устроено. Познать его устройство и правила его использования в дискурсивной практике – главная задача когнитивной лексикологии.

Междисциплинарные связи обуславливаются изначальным «родством» глобальных для лексикологии процессов номинации и познания. Собственно номинация, на первый взгляд, всегда была объектом лексикологии. Однако при более пристальном рассмотрении приходится констатировать, что в учебниках и учебных пособиях о ней, скорее, упоминали в связи с перечислением функций языка. Наряду с коммуникативным предназначением языка упоминается, как правило, и его номинативная функция. В академической науке номинации отводится вполне достойное внимание, однако такие разыскания так и остаются жить обособленной жизнью, не только не пересекаясь с учебной лексикологией, но и в прикладной науке о слове оставаясь вне системного взаимодействия. И это притом, что уже давно намечены векторы разграничения и взаимосвязи базовых категорий: семантики, ономазиологии и семасиологии.

Так в энциклопедии «Русский язык» этой проблеме посвящена отдельная статья.

Утверждение, что семантика – это наука о значении вообще, не совсем корректно. Во всяком случае, требует дополнительных пояснений. Одного замечания о том, что это «широкое понятие, охватывающее много более узких, в частности, семасиологию и ономазиологию», недостаточно. Это справедливо, пожалуй, только по отношению к семантике как науке. Но семантика – это ещё и свойство знаковых единиц языка и речи. И в этом аспекте семантика слова не сводима только к значению. Она шире значения, поскольку включает в себя и смысловое содержание языкового знака, которое может быть (а)

доречевым, (б) речевым и (в) дискурсивным. В таком триединстве можно говорить о когнитивной семантике.

III. КОГНИТИВНАЯ СЕМАНТИКА

3.1. Многовекторность когнитивной ономазиологии

Сам термин *когнитивная семантика* можно воспринимать в двух ракурсах. Прежде всего, он представляет своеобразие российской лингвокогнитивистики, отличающее её от американской. Западноевропейская когнитивная лингвистика с лёгкой руки Р. Лангакера обычно называется когнитивной грамматикой, что, кстати, важно для понимания её статуса по отношению к учению о слове. Российская когнитивная лингвистика именуется ещё когнитивной семантикой. Это объясняется расширительным пониманием термина *грамматика* в англоязычной лингвистике, тогда как в России нередко используется термин «когнитивная семантика», указывающий на один из источников лингвокогнитивистики. Ономазиология в ней представлена как «отрасль семантики, изучающая наименования, использование языковых средств для обозначения внеязыковых объектов». Называется и вектор лексикологического исследования: от обозначаемого предмета к средствам его обозначения, шире – от содержания к форме. В отличие от ономазиологии, вектор семасиологического поиска направлен от средства выражения к выражаемому значению. Обычно подчёркивается вторичность ономазиологии, которая зародилась в недрах семасиологии. При этом понятия семасиология и семантика нередко отождествляются. Что касается вторичности ономазиологии, то здесь возражений быть не может. Действительно, только в 1895 году М.М. Покровский выразил убеждение в необходимости её создания. Витольд Дорошевский? Наиболее явно его пророчество начало осуществляться в 10-е гг. XX в.,

когда в лингвистическом направлении «Слова и вещи» («Wörter und Sachen») ономаσιологический подход предстал на материале романской диалектологии в своих реальных очертаниях. Позже, когда наука приняла, наконец, сам термин *ономаσιология*, этот подход становится в изучении лексики весьма популярным.

Собственно говоря, это был даже не новый подход, а взгляд на один и тот же объект с иной стороны, позволивший представить учение о содержательной стороне слова в завешенном виде. Это выражается в том, что семасиологический анализ значений слов и их форм подводил логику исследователя к необходимости рассмотрения мыслительных категорий (понятий, концептов, гештальтов), которые уже поддавались изучению методами и приёмами семасиологии. Для этого нужен иной вектор исследования, иной ракурс видения проблемы. Ею и стала ономаσιология, прокладывающая иную траекторию исследовательского поиска: от обозначаемого предмета к средствам его обозначения.

Зарождающаяся когнитивная лексикология открывает дополнительные возможности в изучении соотношения двух традиционно выделяемых планов – плана содержания и плана выражения. К тому же, и понимание этих планов словесного знака уточняется: плана содержания рассматривается как смысловое содержание обозначаемого объекта, а план выражения как знак-символ. При таком подходе теория языкового знака обретает свой унилатеральный облик: знак – средство репрезентации внеязыкового содержания.

Уже само понимание характера соотношения этих двух планов даёт повод усомниться в том, насколько ономаσιология может считаться областью языковой семантики. Не случайно Э. Косериу предлагал задуматься, является ли ономаσιологический подход истинно семантическим. Червяком сомнения при этом оказывалась мысль о том, что ономаσιологический анализ не позволяет вникать во внутреннюю

динамику семантической структуры слова. Такого рода сомнения усугубляются ещё и тем, что по существу ономасиологический подход в языкознании утверждался структуральными доктринами: учением Ф. де Соссюра об означающем и означаемом, концепцией Л. Ельмслева о плане выражения и плане содержания. Лингвистический интерес для них, как известно, представлял только план выражения. Но в то же время, в начале 20-х годов XX века во Франции выходит в свет книга Ф. Брюно «Мысль и язык» [1922]. В ней доказывается обратное: изучение способов выражения понятийных категорий является лингвистическим, поскольку мыслительные категории являются только объектами вербализации, а предметом исследования языковые средства их выражения. Объектами оязыкования в работе Ф. Брюно выступали различные «идеи»: «пол», «число», «определённость – неопределённость», «лицо», «обстоятельства», «время», «причина» и т.п.

Правда, такой подход в отношении когнитивной лексикологии оставляет повод для дискуссий о том, насколько он является лексикологическим. Многими авторами утверждается, что комплексного ономасиологического анализа языка необходимо, не ограничиваясь языковыми данными одного уровня, привлекать средства разных уровней, ибо ономасиологический подход и создаваемое с его помощью ономасиологическое семантическое поле по своей природе являются разноуровневыми, отражая реальные ассоциации между языковыми средствами, присутствующие в языковом сознании говорящих. И это совершенно справедливо. Однако при таком возражении речь идёт всё-таки об ономасиологическом анализе языка в целом. В рамках же создания ономасиологии языка не только возможна разработка когнитивных аспектов разных языковых уровней – без них решить столь глобальную проблему невозможно. В этом отношении когнитивная лексикология вполне «вписывается» в общую теорию ономасиологического анализа языка.

В таком плане когнитивный подход применим к разным отраслям лексикологии:

- исторической лексикологии (при изучении номинативной динамики слова, логик формирования его внутренней формы);
- ареальной лингвистики (при изучении когнитивных причин варьирования обозначений одних и тех же объектов в вариантах литературных языков и в диалектах);
- синхронному изучению языка (при выявлении когнитивных оснований формирования синонимических рядов и семантических полей);
- контрастивной лингвистики, изучающей способы выражения одного и того же концепта в разных языках;
- прикладному языкознанию, в частности к лексикографии (когнитивные основания составления идеографических словарей), лингводидактики (особенно при преподавании языка как неродного, когда студенту важно уяснить когнитивно-прагматическую подоплёку коннотативной номинации).

Ономасиология противопоставляется семасиологии как наука об именовании, процесс, протекающий в направлении от вещей к обозначающим их знакам.

Поэтому фактически синхронная ономасиология есть в первую очередь наука о синонимии. Разумеется, её интересуют и другие семантические проблемы, но рассматриваемые, однако, под углом зрения проблемы поиска слова для адекватного обозначения реалии или выражаемого концепта как некой «данности». В таком случае в фокусе внимания оказывается проблема *выбора знака*. Она всегда возникает в языковом сознании говорящего, ведущего поиск средств для репрезентации актуальной в данной речевой ситуации фasetы вербализуемого концепта.

Синхронная ономаσιология не лишена и культурологического интереса, поскольку она может быть не только концептуальной, но и референциальной: в центре её внимания вместе с выражением интенциональной идеи (концепта) оказывается и проблема наименованием соответствующего заранее заданного объекта культуры, т.е. проблема выбора адекватного средства номинации при фиксированном и культурно маркированном референте.

Диахронная ономаσιология, прослеживающая причины видоизменений характера номинации одного и того же предмета или понятия, также связана с когнитивной лексикологией. При этом за неизменную величину принимается референт (или сигнификат), а переменной – его номинации, зависящие прежде всего от глубины познания сущности именованного предмета. Региолектная (социолектная) ономаσιология, изучающая зависимость способа обозначения некоторого референта (или сигнификата) от специфики социокультурного пространства региона, позволяет применять принципы когнитивной лексикологии к исследованию диалектной лексики.

До сих пор речь шла о когнитивных основаниях ономаσιологии. Можно ли говорить о таком же подходе к семасиологии?

Камнем преткновения в теории лингвистической семантики, прежде всего, следует считать обособленное изучение категорий значения и смысла. Создание целостной лингвокогнитивной программы развития современной теории лексического значения предполагает нахождение и осмысление тех свойств, благодаря которым эти феномены являются категориями *языковой* семантики.

Неиссякаемость этой проблемы обуславливается разными факторами: а) многоаспектностью речемыслительного содержания единиц языка и речи; б) генетическим функциональным взаимодействием значения и смыс-

ла (между собой и со смежными категориями — понятием, значимостью, функцией, знанием, сознанием когнитивным и сознанием языковым); в) неоднозначным толкованием их концептуального содержания и т. п. Все это не может не стимулировать продолжающиеся дискуссии в отечественной и зарубежной семасиологии (Ю. Д. Апресян, Н. Д. Арутюнова, Л. М. Васильев, А. Г. Волков, В. Г. Гак, Е. С. Кубрякова, А. А. Леонтьев, М. В. Никитин, Л. А. Новиков, Б. А. Серебренников, Ю. С. Степанов, А. А. Уфимцева; А. Вежбицка, Дж. Лакофф, В. Леман, Ч. Филлмор, У. Л. Чейф и др.).

3.2. Значение и смысл как категории когнитивной лексикологии

Неоспорим тот факт, что разработка любой серьезной лексикологической теории неизбежно связана с проблемой взаимоотношения значения и смысла [Алефиренко Н.Ф., 2005: 69]. О многосложности проблемы говорит уже тот факт, что ею всегда занимались, продолжают заниматься самые разные науки и научные течения: кроме лингвистики, взаимоотношение значения и смысла — предмет психолингвистики, философии и логики, психологии и других дисциплин. Данный факт свидетельствует также о неполной разработанности указанной проблемы, об отсутствии четкого понимания сущности значения и смысла и, как следствие, — о размытости грани между этими семантическими феноменами. Всё это необходимо учитывать при создании теоретических оснований когнитивной лексикологии: во-первых, в какой-то степени к их созданию приходится привлекать междисциплинарные знания; во-вторых, возникает необходимость в обогащении понимания собственно лексикологических явлений понятиями когнитивистики. Необходимость в такого рода инкорпорации обуславливается продолжающимися дискуссиями, не устраняющими однако значительные разногласия в понимании

соотношения значения и смысла. Спор ведётся вокруг таких вопросов, как: (а) где проходит грань между значением и смыслом, (б) какой из названных феноменов является первичным, а какой производным; (в) в чём состоит специфика компонентов значения и смысла, (г) какова методика систематизации данных компонентов, (д) как происходят порождение и восприятие смысла.

Когнитивная лексикология, включаясь в решение этих проблем, прежде всего, ведёт поиск эвристических способов включения в давно устоявшуюся дихотомию «значение – смысл» феномена концепта как основной своей категории. Его целесообразность обуславливается двумя причинами. Во-первых, наличие между значением, смыслом и концептом онтологических связей и отношений обусловлено, прежде всего, тем, что все они по природе своей ментальны. Во-вторых, каждый из них в разной форме и разными средствами является выразителями когнитивного и языкового сознания.

Понятие «языковое сознание» вошло в активный лингвистический обиход лишь в последние два десятилетия, хотя мысль о необходимости его выделения осеняла многие выдающиеся умы прошлого (В. фон Гумбольдт, И.А. Бодуэн де Куртенэ Н.В. Крушевский, И. Л. Вайсгербер, Р.О. Якобсон и др.). При всем разнообразии подходов, к раскрытию содержания этого понятия названных лингвистов объединяло общее убеждений в том, что язык не может быть чем-то внешним, индифферентным по отношению к сознанию, что язык выступает активным средством его практической самореализации (действительным сознанием). Однако в дальнейшем общность исходных позиций разрушается, и в результате возникают не только различные, но и взаимоисключающие семасиологические теории. И все же, несмотря на известные противоречия, современная семасиология дает основания полагать, что «когнитивное сознание», «языковое сознание», «значение» и «смысл» – понятия нетождественные. Хотя сознание, или понятийное

мышление, опирается на язык, оно не сводится к сумме языковых значений. Дело в том, что языковые значения динамичны: в процессе совместной речемыслительной деятельности говорящего и слушающего происходит их изменение и обогащение, развитие. Различительные свойства элементов когнитивного сознания (понятий и представлений) и элементов языкового сознания (значений) объясняются также «двуликостью» последних. «Значение, — пишет М. П. Муравицкая, — определяется отношением знака к обозначаемому предмету и местом в данной конкретной исторически сформировавшейся семиологической категориальной системе языка» [Муравицкая М. П.]. Язык, следовательно, не создавая особого мира, особой картины мира, обладает способностью своеобразно представлять когнитивные структуры, «языковляя» их, преобразовывать в значения — структуры уже языкового сознания, вплетая при этом смысловые нити вторичной, лингвокреативной, деятельности в отражательную основу многовекового и динамичного культурно-исторического полотна. В языковом сознании формируется в конечном итоге национально-субъективный образ мира, преимущественно модально-оценочный и пристрастный, но не автономный, а как составная часть более широкого обыденного сознания. Такое сознание, в отличие от научного, не нацелено на выделение и уяснение противоречий между явлениями, на раскрытие их сущности. Научное сознание объективируется в значениях языковых знаков особого рода — терминов. Если значения слов лишь стремятся к своему пределу — понятиям, то терминозначения уже находятся в пределах понятия, хотя и не утрачивают генетической связи со значениями общеупотребительных слов, которые «выступают не просто фактом мотивации соответствующих терминов, но семантической основой их существования»². Живой такая связь бывает, главным образом, в значениях терминов, возникших на базе слов определенного национального языка. Ср., например, значения философских терминов

русского языка: время — 'одна из основных объективных форм существования материи, проявляющаяся в длительности бытия'; причина — 'явление, обуславливающее или порождающее другое явление'. В подобных случаях общеупотребительное слово, приобретая философско-категориальное значение, становится термином. Иначе говоря, терминологическое значение сосуществует с другими значениями полисеманта как один из его лексико-семантических вариантов (ЛСВ). Вместе с другими ЛСВ он входит в смысловую структуру слова и реализуется в речи однозначно.

Несколько по-другому процессы взаимоотношения значения и смысла происходят в интернациональной терминологии. Значение терминов этой группы переосмыслению подвергается чаще всего в области сигнификата по мере изменения самого понятия, обусловленного динамикой научного познания соответствующего явления, а в сфере общественно-политической терминологии — изменениями социально-исторических условий его бытования. Весьма ярким примером тому может быть соотношение значения и смысла термина демократия, представленное не в лингвистическом исследовании, а в газетной публикации, рассказывающей о симпозиуме «Демократические перемены в сегодняшнем мире» (Тунис, 1992 г.). «Если кто-то из читателей считает, что ныне, в конце XX века, политики и обществоведы... под словом демократия понимают одно и то же, то он ошибается» («Известия», 1992. № 23). И автор — С. Филатов — приводит несколько выдержек из выступлений участников симпозиума, демонстрирующих смысловой спектр значения слова *демократия* (гр. *demokratia* < *demos* 'народ' + *kratos* 'власть') 'народовластие': д е м о к р а т и я – это «правление народа», «поиски всеобщей ответственности в осуществлении власти», «консенсус», «плюрализм», «политико-культурный феномен Запада», «гарантия индивидуальных прав и свобод», «противоположность тоталитаризму», «отношение правителей

к управляемым» и др. Автор передает далее свое восприятие услышанного. «...Усиливалось смешанное чувство: с одной стороны, крепко осознание демократии как универсальной ценности человечества», а с другой — одновременно вырастал справедливый вопрос: есть ли пределы смыслового многообразия слова и понятия «демократия»!

Постепенно, говорится в статье, вырисовывалась некая емкая, не отличающаяся научной точностью, но зато впитавшая в себя мнения большинства участников симпозиума формула: демократия – это определенная форма правления, основанная на соблюдении прав человека и свободе личности.

Данный пример достаточно убедительно показывает, как структурирование объективно-общественных смыслов (их иерархия, установление между ними закономерных связей) формирует значение слова. Сформированное таким образом значение, разумеется, не останется неизменным. В определенных вербальных и ситуативных контекстах оно будет реализовываться с теми или иными смысловыми доминантами. И как бы интуитивно автор приходит к выводу, который научно обоснован в психолингвистической теории значения: услышав слово «демократия», нужно разобраться, кто его произносит и с какими намерениями.

В отличие от научного, обыденное сознание отражает не понятия, а общенародные, стереотипные представления о мире. Будучи вербализованными, они не только воспрепятствуют, но и стимулируют лингвокреативные процессы мышления к порождению коммуникативно значимых смыслов ассоциативно-образного характера, что приводит в одних случаях к образованию переносных значений слова, в других – к смысловой модификации системного (в том числе и переносного) значения. В первом случае возникают многозначные слова. Их преобладающее большинство в любом языке. Ср.: рус. *лихорадка* – прямое значение 'болезненное состояние, сопровождающееся жаром и ознобом',

и перен. 1) 'возбужденное состояние, сильное волнение'; 2) 'тревожное возбуждение, ажиотаж'; англ. *jockey* – прямое значение 'жокей, наездник' и перен. 'обманщик, плут'. Смысловое преобразование прямых значений может происходить двумя способами: а) путем погашения или редуцирования одних смысловых элементов и актуализации других, как в значении слова *лихорадка*; б) путем ассоциативно-смыслового преобразования прямого значения, как в слове *jockey*. В обеих разновидностях метафорическое смыслообразование дополняет, изменяет и трансформирует отражательное содержание обыденного сознания, вводя его в новые связи и отношения с соответствующими элементами собственно языкового сознания.

Однако образовавшиеся метафорические значения, хотя и стали системными, не лишились своего экспрессивно-смыслового динамизма главным образом благодаря важнейшему свойству значения – его диффузности, т. е. «скользящему» переходу смысловых компонентов значения [Стернин И.А., 1985: 19-21] от интенциональных к импликациональным, и наоборот. Один и тот же ЛСВ многозначного слова как результат его метафоризации в речи может подвергаться различным смысловым модификациям. «Экспрессивно-смысловая основа поэтической метафоры, – отмечает В.В. Виноградов, — является не только диффузной, но и переменчивой. Одна и та же метафора получает разные смыслы в зависимости от контекста» [2 : 36]. Ср. у М. Цветаевой:

*Звезда над люлькой – и звезда над гробом!
А посредине – голубым сугробом
– Большая жизнь,
– Хоть я тебе и мать,
Мне больше нечего тебе сказать,
Звезда моя!..*

В данном контексте метафорическое значение слова *звезда* подвергается трёхэтапной смысловой модификации: а) звезда –

светящееся небесное тело; б) звезда – судьба; в) звезда – дорогой и «светлый» человек (обращение к смертельно больной дочери). Традиционная для русской поэзии метафора в поэтической речи М. Цветаевой получает неординарное смысловое наполнение. Благодаря лингвокреативному взаимоотношению значения и смысла мир человека, обладающего развитым языком, как бы удваивается. «Человек, – утверждает А. Р. Лурия, – имеет двойной мир, в который входит и мир непосредственно отражаемых предметов, и мир образов, объектов, отношений и качеств, которые обозначаются словами» [Лурия А.Р., 1979: 36]. Именно такому удвоению мира способствует функциональное единство обыденного и языкового сознания, обуславливающее, в свою очередь, сущность и характер взаимного воздействия значения и смысла.

Обыденное и языковое сознание взаимно детерминируемы, хотя первичным, вне сомнения, является отражение внешнего мира в когнитивных формах. В языковом же сознании реальная действительность отражается в преобразованном, преломленном виде, в форме языковых значений, являющихся вторичными, нередко трансмутационными образованиями по отношению к формам обыденного сознания.

Однако значения языковых знаков, несмотря на их вторичность и производность, некоторые ученые языковой категорией не считают. «Значение, – утверждает А.Г. Волков, – категория внеязыковая и невыводимая непосредственно из знаковой структуры языка: языковой знак, следовательно, не включает в себя значение, которое является фактом сознания» [Волков А. Г., 1966: 69]. При таком подходе к семантическим категориям значение не только выводится за рамки знака, но и за пределы языка, превращая его в некую формально-знаковую структуру. Вместе с этим не отрицается, что такая формальная структура служит выражению мысли. Весьма запутанное суждение! Непонятно, как формальная структура, исключая фиксацию в ней содержания

сознания, может вообще служить средством общения, хранить и передавать информацию.

Устранить подобное противоречие можно, лишь разграничив языковые смыслы и языковые значения. Прежде всего, языковое значение и смысл различаются как постоянная и переменная категории сознания. Языковое значение является инвариантным (стабильным, устойчивым и поэтому общим для всего этноязыкового коллектива) содержанием языкового сознания. Оно как постоянная величина языкового сознания обладает системным (И. А. Стернин), нормативным, унифицированным (Д.В. Ольшанский) и социально-историческим характером. Следовательно, ученые, выделившие данные свойства, возвращают значению слова статус языковой категории. Однако не раскрытым (и поэтому дискуссионным) остается статус смыслового содержания слова. В литературе на этот счет можно встретить не только разные, но и противоположные точки зрения.

Согласно одной из них смысл слова – категория речевой семантики. Развивая потебнианские традиции, сторонники этой концепции в современной семасиологии языковому значению («ближайшее значение», по Потебне) противопоставляют смысловое содержание (смысл) слова («дальнейшее значение», в терминологии Потебни) – величину ситуативно и контекстуально обусловленную (А.В. Бондарко). Действительно, речевая ситуация и контекст способны обострить, уточнить семантические акценты слова, выделить необходимые для данного общения, то есть коммуникативно значимые, смыслы. Вот как рассуждает по этому поводу герой романа Анатолия Рыбакова «Тридцать пятый и другие годы»:

«Я никак не могу забыть Вашего "звоните", брошенного мне со ступеньки трамвайного вагона.

Для незнакомого такое "звоните" – это разрешение на продолжение знакомства. Для меня, знающего Вас, это "звоните" – всего лишь "до свидания", к сожалению, ни на какое свидание не намекает.

Если бы Вы сказали "позвоните" – это было бы не только Ваше разрешение, но и Ваше желание. Две буквы, а какая разница. "Позвоните" не говорится в первый день знакомства».

Значения глагола *звонить/позвонить* в данном отрывке реализуются общими условиями осуществления коммуникативного акта, которые Т. Слама-Казаку называет *глобальным контекстом* (le contexte total) [Slama-Cazacu Т., 1961: 215-216], а В.Я. Мыркин — *коммуникативным*. «Коммуникативный контекст, – писал В. Я. Мыркин, – это организация средств, организация частных контекстов и опора на частные контексты, вербальные и невербальные, для выражения (равно и восприятия) смысла речи» [Мыркин В.Я., 1994: 50-51]. Это так называемый «широкий контекст». Содержание этого понятия, разъясняет Н. Ю. Шведова, соответствует «как тому, что называют указательным минимумом, так и тому, что служит языковым окружением, языковой обстановкой вообще» [Шведова Н.Ю., 1982: 144]. Данные определения, хотя и формируют общее представление о широком контексте как условии реализации значения, побуждают к размышлениям о природе такого контекста и о его механизмах, реализующих системные значения в самых разных дискурсивных вариациях [Алефиренко Н.Ф., 2009: 237]. В связи с этим проблема соотношения смысла и значения всё чаще рассматривается в ракурсе дискурсивной интерпретации речемыслительных механизмов общения с привлечением такого распространённого сегодня понятия, как «концепт».

Причём обращение к трихотомии «концепт – значение – смысл» имеет и ономаσιологическую целесообразность, поскольку «смысл, – пишет Ю.С. Степанов [1997: 43], цитируя Г. Фреге, – это путь, которым люди приходят к имени». Однако данная формула настолько привлекательна, насколько и неопределённа, так как не раскрывает внутренней связи смысла с другими членами трихотомии – значением и концептом. Так, Ю.С. Степанов в развитие своей теории, приравнивает концепт к смыслу слова. Фактически концепт при такой логике

оказывается ничем иным, как совокупностью значений, которую данное слово способно выражать в системе языка. Ближе всего для когнитивной лексикологии концепция лексической семантики А.А. Потебни. У него «ближайшее этимологическое значение... всегда включает в себе только один признак» [Потебня 1990, 74]; дальнейшее значение представляет собой субъективное содержание, включающее в себя множество смыслов. Первое, ближайшее значение, служит знаком, символом, заменяющим нам второе [см.: Потебня 1990, 74]. Уже поэтому смысл не может быть равен значению. Ещё раз в этом нас убеждает классификация, предложенная А.Ф. Лосевым, выделявшим 67(!) возможных смысловых составляющих значения [Лосев 1993: 740-741].

Не тождествен смысл и концепт – «мысленное образование, которое замещает нам в процессе мысли неопределенное множество предметов одного и того же рода» [Аскольдов-Алексеев 1928, 31]. Это означает, что усвоить некий смысл – «значит построить некоторую структуру из имеющихся концептов в качестве интерпретаторов или анализаторов рассматриваемого концепта» [Павиленис 1983, 102].

III. СЛОВАРНЫЙ СОСТАВ И КОНЦЕПТОСФЕРА ЯЗЫКА: Лингводидактическая проекция

3.1. Словарный состав и картина мира

Структура словарного состава языка отображает этноязыковую картину мира. Для обоснования этого положения необходимо ответить, по крайней мере, на два вопроса. Какая необходимость использования в лексикологии учения о концептах? Почему лингводидактике сложно ограничиться уже наработанными теориями о взаимосвязи лексических значений слов с понятиями?

– Ответ на поставленные вопросы, пожалуй, можно дать следующими обобщенными суждениями: многообразие слов, их многокачественная природа не может сводиться к одному лишь формату

мыслительного субстрата, называемого понятием. Несводима потому, что суть понятия определяется отображением в мышлении единства существенных свойств, связей и отношений предметов или явлений – некоего множества абстрагированного от различных чувственно воспринимаемых вещей. А сколько в любом языке слов, обозначающих несущественные свойства, связи и отношения предметов!? К тому же своими значениями слова в обыденно-разговорном дискурсе не стремятся к абстрагированию от чувственно воспринимаемых денотатов; наоборот: представляют предмет во всей полноте его предметно-чувственного образа. Да и вообще семантическое пространство любого языка в целом объективирует наивную картину мира не в холодных универсалиях логических понятий, а в поэтическом ореоле каждого её концепта.

К. Паустовский в своем трогательном этюде «Алмазный язык» («Золотая роза») отмечал: «Многие русские слова сами по себе излучают поэзию, подобно тому, как драгоценные камни излучают таинственный блеск». «Для всего, что существует в природе, – воды, воздуха, неба, облаков, солнца, дождей, лесов, болот, рек и озер, лугов и полей, цветов и трав, – в русском языке есть великое множество хороших слов и названий» [Паустовский К., 81]. Писатель понимает, что язык открывается до конца в своих поистине волшебных свойствах и богатстве не каждому, а лишь тому, кто кровно любит и знает «до косточки» свой народ и чувствует сокровенную прелесть нашей земли» [Паустовский К., 82].

Заметим, не тому, кто усвоил понятия, выражаемые словами, а тому кто «кровно любит, чувствует»... В этом же этюде К. Паустовский, словно предвосхищая современный поиск когнитивистов внутренней связи между словом и концептом, объясняет происхождение "поэтического излучения" многих наших слов тем, что оно передает не понятие, сформированное логическим мышлением, а понятие,

наполненное поэтическим содержанием. Кстати, последнее суждение может служить прекрасным и доступным определением концепта как «понятия, наполненного поэтическим содержанием». Именно понятие в сопряжении с коннотативными смыслами (а не понятия, которое оно выражает) создаёт ту архитектуру лексического значения, которая, собственно, и воздействует на наше воображение. Причём писатель, не будучи лингвистом, отдаёт отчёт в том, что «действие самого слова на наше воображение, хотя бы, к примеру, такого простого слова, как *зарница*, объяснить гораздо труднее», чем действие понятия. В слове сопряжено рациональное и эмоциональное, объективное и субъективное. Для художника слова «самое звучание этого слова как бы передает медленный ночной блеск далекой молнии» [Паустовский К., 81].

Задача научной лексикологии раскрыть механизмы языкового моделирования действительности во всём её многообразии. Учебная лексикология призвана помочь студенту (школьнику) освоить прежде всего ценностно-смысловую уникальность наивной (обыденной) картины мира, поскольку в научной картине мира преобладают универсальные механизмы миропонимания, использующие понятия. Вот почему когнитивная лексикология избегает использования понятий (категории формальной логики), отдавая предпочтение концептам (категории этнокультурного познания). Дело в том, что концепты являются основными единицами обыденного сознания, которое, собственно, и формирует наивную картину мира. Именно в концептах кодируется информация о тех объектах предметно-чувственного опыта, который не оставляет нас равнодушными, вызывая определенные переживания по поводу воспринимаемого внешнего и внутреннего мира. Прежде всего, под нашим пристальным вниманием оказываются предметы в широком смысле этого слова, т.е. люди, животные, деревья, камни, горы, реки, тучи на небе, молнии, солнце и луна, природные явления, а также разнообразные артефакты, превратившиеся в символы.

Так, в многочисленных мифах и легендах топор используется в качестве символа власти и могущества; лампа выступает символом света и поиска истины; копьё – символом плодородия. Концепт, в отличие от понятия обладает огромным вариативным диапазоном. Так, а в русской культуре копьё Пересвета – символ мужества, доблести, веры русского воина. Обычно стрела — символ солнечной энергии, стремительного проникновения света. Стрелы Аполлона — символ солнечных лучей, которые, впрочем, могут не только согреть озябшего путника или напитать живительной силой плодородную землю, но и сжечь все живое, обречь человечество на страдания. Стрелы Дианы и Митры — символы всепроникающего света, символы земной красоты, умиротворения и спокойствия, благодати и тишины. В разных культурах она служит мужским и женским символом. Она – символ мужского начала и мужских добродетелей потому, что связана с образами охоты, войны, воина, силы, меткости, умения пользоваться оружием. Не случайно стрела — обязательный элемент многих из гербов известных в прошлом военачальников, стремившихся подчеркнуть свою принадлежность к армии и свои победы на поле брани. На Востоке (Китай, Индия, Индокитай) только что родившимся мальчикам дарили лук и стрелы, отмечая тем самым их изначальную принадлежность к охотникам и воинам. Стрела — символ войны. Для некоторых народов, проживающих в Африке, стрела обозначает своеобразный ультиматум или даже объявление войны. Получив стрелу, вожди собирали под свои знамена воинов, не дожидаясь новых свидетельств о начале военных действий. Стрела — символ молнии. Не зря существует такое понятие, как «грозовые стрелы». Места, куда ударяла молния, считались священными, им приписывали совершение всевозможных чудес. Однако выпускать стрелу в небо считалось признаком колдовства, стремлением разозлить богов, вызвать их гнев, навлечь неприятности на головы обывателей, спровоцировать природные катаклизмы, такие, как наводнение, засуха,

град, проливные дожди. Второй символической ипостасью стрелы является её эротический смысл, связываемый с мифическим Купидоном. Купидон всегда носил в своем колчане две стрелы: одна — символизирует любовь, возможность брака по любви, вторая — ссору между влюбленными, брак по расчету. Не менее широким символическим диапазоном наделён и лук. Как мужской символ, он — проявление надежности и доставляет к цели мужской символ — стрелу. Как женский символ он обнаруживается в подобии двурогой Луне. У буддистов он символизирует силу воли: лук — это мозг, который посылает стрелы пяти чувств. У китайцев лук и стрелы символизируют плодородие, потомство; натянуть лук — проверка для мужчины. В христианстве лук означает светскую власть. В греко-римской мифологии лук Артемиды (Дианы) — это неполная Луна Лук и стрелы — атрибут Аполлона, Эроса, Артемиды и Дианы; лук и колчан — атрибуты охотника-гиганта Ориона. У индусов, как и в буддизме, лук — это сила воли. Тетива бога любви Камы состоит из пчел, олицетворяющих сладкое мученье. В исламе лук — сила божья. Середина лука, соединяющая обе половинки — это союз Аллаха и Магомета. В шумеро-семитской системе символов лук — оружие богини-воитель Иштар (Инанны). В даосизме лук и стрела символизируют Дао, которое снижает высокое, повышает низкое, убирает излишек и утоляет нужды.

Некоторые авторы предлагают компромисс, отделяя от классических понятий так называемые понятия наивные, обыденные, повседневные (Кобозева 2000: 48). Данные определения, конечно, помогают понять специфику столь непростого феномена, который всё же требует «своего» особого обозначения.

Впрочем, это ни в коем случае не означает, что в когнитивной лексикологии между понятием и концептом сооружается «китайская стена». В действительности понятие и концепт представляют собой две ипостаси (логическую и этнопсихическую) одной и той же ментальной

сущности [Сусов И.П.. 2006: 14]. Оба в когнитивной лексикологии квалифицируются как ментальные субстраты лексических значений, формирующие информативное содержание языкового знака. Надо заметить, что информативное содержание языкового знака имеет многоуровневую структуру, на разных ярусах которой представлены означаемое словесного знака, сигнификат и семантема.

В означаемом словесного знака заключен акт когниции; его сигнификат аккумулирует результат познания и систематизации реалий окружающего мира. И всё же, хотя означаемое словесного знака и конституируется процессом познания, даже «строгое словоупотребление допускает свободу означения и проникновение индивидуальных смыслов» [1, с. 523].

Мысль, «схваченная» знаком, материализуется в слове, разворачиваясь в коммуникационных потоках. Без названия, без слова, ментальный мир конструирует картину, образ, фрейм:

*«В уме своем я создал мир иной
И образов иных существованье;
Я цепью их связал между собой,
Я дал им вид, но не дал им названья...»
(М. Лермонтов).*

Только в актах номинации, давая названия образам действительности, последние получают в интерпретации человека свое «языковление». Вот почему акт номинации – важнейший этап в процессе познания и, не менее важный механизм лингвокреативного мышления. Можно сказать, что в процессе номинации рождается новая языковая реальность. Исследование актов номинации с позиций лингвокогнитивистики позволяет определить существенные признаки этноязыковой специфики языкового знака: выявить факторы вербализации именно такого набора концептов; показать почему именно такая языковая форма выбрана при этом для решения поставленной речемыслительной задачи; какая часть знаний об предмете номинации через внутреннюю форму концепта получает словесное именование

(Ю.В. Пинжакова); выявить причины вариативности номинации, обуславливающие вариантность слов, их синонимию, антонимию, омонимию и паронимию.

3.2. Семантема как средство структурированного кодирования знаний в словесном знаке

Этноязыковое своеобразие лексики проявляется не столько во внешнем облике слова, сколько в структуре его семантемы. Так, семантемы слов-омонимов в разных языках могут отличаться друг от друга наборами своих сем. Интересные наблюдения над лексемой *космос* делает И.П. Сусов. Древнегреческое слово *kosmos*, например, восходящее к глаголу *kosmeo* 'украшаю; привожу в порядок, устраиваю, ставлю в строй' закрепило за собой значения: 1) 'украшение, наряд'; 2) 'порядок', 'государственный порядок, государственное устройство', 'устройство, строение'; 3) 'мир, вселенная; небо'; 4) 'мирские и земные дела'. Латинский язык, заимствуя это слово из греческого в форме *cosmos*, сохраняет по существу производное значение 'мир, вселенная' (латинский синоним *mundus*). Остальные значения греческого прототипа закрепляются за другими словами. То же наблюдается и в русском языке (*космос, вселенная*). Англ. слово *cosmos* имеет значения: 1) 'космос, вселенная'; 2) 'упорядоченная система, гармония'; 3) бот. 'космос (*Cosmos gen.*)'. Любопытно, что в греческом языке от глагола *kosmeo* образованы разные прилагательные: *kosmetike* 'имеющий отношение к украшательству' (*techne kosmetike* 'искусство украшать') и *kosmikos* 'космический, вселенский'. Паронимические пары прилагательных встречаются и в др. языках: рус. *косметический* и *космический*, фр. *cosmetique* и *cosmique*, нем. *kosmetisch* и *kosmisch*, англ. *cosmetic / cosmetical* и *cosmic / cosmical*.

Семантема, в отличие от понятия и концепта, принадлежит уже языку и может включать в свой состав, помимо концептуального

(понятийного) ядра, различные коннотации. Ср. с *космической скоростью, космическое родство, внутренний космический огонь, космический пламень, космические фантазии, космическая образность, небесный космический порыв, новое космическое зрение, поэтический космос автора.*

Значение слова – это лишь дискурсивно значимая для данного этнокультурного сообщества часть концепта. Можно говорить о том, что концепт и лексическое значение – продукты деятельности разных видов мыслительной деятельности: концепт – когнитивного сознания, а семантема – языкового. Иначе говоря, реалии (признаки, характеризующие предметы в физическом пространстве, состояния, процессы и действия, физиологические и психические состояния человека, переживаемые им эмоции, существующие в обществе социальные отношения) принадлежат предметному миру, концепты – познавательной сфере, а семантемы – семантическому пространству языка. Между семантемами и реалиями располагаются концепты и денотаты: *семантема ← концепт ← денотат ← реализия.*

С лингвокогнитивной точки зрения, семантемы — это, если использовать образное определение Е.С. Кубряковой, связанные (или “схваченные”) языковыми знаками элементы когнитивной сферы [Кубрякова 2004]. Структура семантемы – средство кодирования и выражения в соответствующем языковом знаке знаний, формирующих языковую картину мира. В этом процессе участвуют не только семантемы, но и означающие знаков. Благодаря им концепты в актах коммуникации объективируются и передаются от человека человеку. Универсум семантем того или иного языка образует семантическое пространство языка (З.Д. Попова).

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Становление когнитивной лексикологии как научной и лингводидактической дисциплины призвана реализовать две издавна наметившиеся в науке о слове тенденции: а) функционально-коммуникативную и б) дискурсивно-когнитивную.

Тенденция к функционализму объясняется тем, что он, в отличие от формализма, предполагает объяснение языковой формы её речемыслительными функциями. Он своё основное внимание фокусирует на стремлении уяснить, почему та или иная единица словарного состава (и лексико-семантическое пространство языка в целом) устроена как достаточно гибкий элемент функциональной системы.

Дискурсивно-когнитивная тенденция отражает потребность не только в описании лексико-семантических явлений, но и в их адекватной коммуникативно-прагматической интерпретации.

Проведённое исследование позволяет сформулировать четыре основных принципа построения когнитивной лексикологии: принцип антропоцентризма, принцип лексико-семантической репрезентации знаний, ценностно-смысловой и дискурсивно-коммуникативный.

Главная задача когнитивной лексикологии состоит:

- (а) в построении теории когнитивной семантики слова, предполагающая
- (б) определение многовекторности когнитивной ономазиологии,
- (в) установление когнитивно-дискурсивных корреляций между основными категориями когнитивной лексикологии (значением и смысловым содержанием слова).

Такой подход к изучению семантического пространства позволит реализовать пока недостижимую лингводидактическую идею о

сопряженном изучении словарного состава и концептосферы русского языка.

ВОПРОСЫ И ЗАДАНИЯ ДЛЯ САМОПРОВЕРКИ

1. Определите проблематику когнитивной лексикологии.
2. В чем заключается дидактическая ценность новой дисциплины?
3. Сформулируйте основные принципы построения когнитивной лексикологии.
4. Раскройте лингводидактический смысл структурного изоморфизма словарного состава и концептосферы языка.
5. Как соотносятся словарный состав и языковая картина мира?
6. Используя рекомендуемую литературу, напишите реферат на тему «Семантема как средство структурированного кодирования знаний в слове».

ЛИТЕРАТУРА

1. Основная

Алефиренко Н.Ф. Спорные проблемы семантики: Монография. – М.: Изд-во «Гнозис», 2005.

Алефиренко Н.Ф. «Живое» слово: Проблемы функциональной лексикологии. – М.: Изд-во «Флинта: Наука», 2009.

Кобозева И.М. Лингвистическая семантика: Учебное пособие. – М.: Изд-во УРСС Эдиториал, 2000.

Кронгауз М.А. Семантика. 2-е изд., испр. и доп. – М.: Изд-во «Академия», 2005.

Прохоров Ю.Е. В поисках концепта. Изд. 2-е. – М.: Изд-во «Флинта-Наука», 2009.

Стернин И.А. Лексическое значение слова в речи. – Воронеж: Изд-во Воронежского ун-та, 1985.

Шведова Н.Ю. Типы контекстов, конструирующих многоаспектное описание слова // Русский язык: Текст как целое и компоненты текста. – М.: «Наука», 1982. С. 143-144.

2. Для углубленного изучения

Алефиренко Н.Ф. Содержательные импликации дискурса, в: Язык. Текст. Дискурс, Ставрополь – Пятигорск, 2004. С. 6-14.

Апресян Ю.Д., Избранные труды. Том 2. Интегральное описание языка и системная лексикография. – М.: Изд-во «Языки русской культуры», 1995.

Белый А. Символизм как миропонимание // Луг зеленый. Книга статей. – М.: Изд-во «Республика», 1994. С. 334-338.

Вежбицкая А. Язык. Культура. Познание. – М.: Изд-во «Русские словари», 1996.

Виноградов В.В. Стилистика. Теория поэтической речи. Поэтика. – М.: Изд-во «Наука», 1963.

Волков А.Г. Язык как система знаков. – М.: Изд-во Московского ун-та, 1966.

Киклевич А. и Камалова А. (ред.) Концепты культуры в языке и тексте. Теория и анализ. – Olsztyn, 2010.

Кобозева И.М. Лингвистическая семантика: Учебное пособие. – М.: Изд-во УРСС Эдиториал, 2000.

Кравченко А.В. Когнитивный горизонт языкознания. – Иркутск: Изд-во БГУЭП, 2008.

Кубрякова Е.С. Язык и знание. – М.: Изд-во «Языки славянской культуры», 2004.

- Леви-Стросс К. Эффективность символов // Структурная антропология. – М.: Изд-во «Наука», 1983. С. 178-192.
- Левицкий В.В. Семасиология. – Винница: Изд-во «Нова книга», 2006.
- Леонтьев А.А. (ред.), Словарь ассоциативных норм русского языка. – М.: Изд-во Московского ун-та, 1977.
- Лихачев Д.С. Очерки по философии художественного творчества. – Санкт-Петербург: Изд-во «Наука», 1996.
- Лурия А.Р. Язык и сознание. – М.: Изд-во Московского ун-та, 1979.
- Мандельштам О.Э. Слово и культура. – М.: Изд-во «Советский писатель», 1987.
- Мельчук И.А. Исследования по автоматическому переводу (1970–1974 гг.) // Итоги науки и техники. Сер. Теор. вероятности. Мат. статистика. Теор. кибернетика, 13. – М., 1976. С. 235–295.
- Муравицкая М.П. Методологические проблемы семасиологии // Методологические проблемы языкознания. – Киев: Изд-во «Наукова думка», 1988. С. 57-74.
- Мыркин В.Я. Язык – речь – контекст – смысл. – Архангельск: Изд-во Поморского международного педагогического университета, 1999.
- Паустовский К. Золотая роза. – М., 1991.
- Прохоров Ю.Е. В поисках концепта. Изд. 2-е. – М.: Изд-во «Флинта-Наука», 2009.
- Роман-газета. 1990. № 12. С. 36.
- Степанов Ю.С. Константы: Словарь русской культуры: 3-е изд. – М.: Изд-во «Академический проект», 2004.
- Сусов А.А., Сусов И.П., Размышления о концептах // Вісник Харківського національного університету ім. В.Н. Каразіна. № 726. Серія: Романо-германська філологія. Методика викладання іноземних мов. Вип. 49. – Харків, 2006. С. 14–20.

Телия В.Н. Русская фразеология. Семантический, прагматический и лингвокультурологический аспекты. – М.: Изд-во «Языки русской культуры», 1996. 288 с.

Тер-Минасова С.Г. Языки и межкультурная коммуникация: Учебное пособие. – М.: Изд-во «Слово», 2000.

Slama-Cazacu T. Langage et contexte. – S-Gravenhage, 1961. P. 215-216.

Tabakowska E. Językoznawstwo kognitywne – nowe czy dawne horyzonty badań nad językiem? [в:] Szpila, G. (ред.) // Język a komunikacja 1. Język trzeciego tysiąclecia. – Kraków, 2000. S. 56-68.